

ИМЕНА КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В.С. КУЛАБУХОВ

Белгородский
государственный
университет

e-mail:
Kulabuhov@bsu.edu.ru

Статья посвящена исследованию проблемы происхождения и эволюции собственных имен, изучение которых соотносится с культурно-историческими традициями русского народа. Затрагиваются вопросы происхождения как исконных, так и христианских имен. Автор анализирует проблему имянаречения как часть христианского вероучения.

Ключевые слова: культурные традиции, имянаречение.

Богатая культура Древней Руси во многом является результатом сохранения и развития глубочайших культурных традиций, доставшихся ей в наследство от разных этносов и эпох, включая древние высокоразвитые цивилизации.

Человек начал употреблять имена около 7 тысяч лет назад. Как сказано в Библии, первочеловеку Адаму Богом была дарована власть наделять именами окружающие его предметы. Постепенно из названий этих предметов и стихий путем многократного повторения выделились слова с особой семантикой, ставшие именами собственными, поскольку связывались уже не только с одним конкретным носителем. В целом в Библии описывается более двух тысяч различных имен.

Общеизвестно, что имена людей являются частью истории самого народа, одной из составляющих народного духа, которые всегда преисполнены глубочайшим смыслом. Для того чтобы какое-либо имя появилась у любого народа, необходимы определенные культурно-исторические условия. В силу этого многие имена несут на себе яркий отпечаток, соответствующий эпохи.

Имена, звучащие вокруг нас сегодня, стали такими не сразу. В прошлом некоторых имен не было вообще, иные пришли к нам из других народов и претерпели серьезные изменения, приспособиваясь к нормам русского языка. На протяжении исторического развития некоторые имена со временем вышли из употребления, а некоторые сохранились до сегодняшнего времени почти в неизменном виде. Как в свое время отмечал священник П.Флоренский: «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объясняется духовная сущность. Имя – это не просто устоявшийся набор звуков, удобный при ссылке или обращении к конкретному человеку, «мыслеформа» которая обладает собственным энергетическим и идейным потенциалом»¹.

Известный ученый А.Ф.Лосев писал: «Я утверждаю, что сила имени в теперешней жизни, несмотря на ее полное удаление от живой религии, нисколько не уменьшилась. Мы перестали силою имени творить чудеса, но мы не перестали силою имени завоевывать умы и сердца: объединять ради определенных идей тех, кто раньше им сопротивлялся: и это ничуть не меньшая магия, чем та, о которой теперь читают только в учебниках. Имя есть жизнь, что только в слове мы обращаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления»².

Как сейчас мы уверены, что программа развития организма заключена в его гене, так и древние не сомневались, что вся последующая участь человека или явления, города или государства предначертана и заключена в его имени. Дать имя означало дать судьбу, изменить которую невозможно. Самое латинское слово «судьба» (*fatum*) восходит к слову «*fari*» – «говорить». Не случайно этот же этимологический ряд мы видим и в Древнем Шумере, где слово «судьба» было производным от «нарекать», «давать имя». Точно так же русское слово «рок» связано с глаголом «рече», «реку», «нарекать».

Вместе с именем, как представляли древние, человек получал заложенную в имени идею, которую ему предстояло воплотить в жизнь. Имя в народной традиции является

¹ Круг жизни / сост. Н. Будур, И. Панкеев. – М., 1999. – С. 89.

² Круг жизни ... – С. 89.

персональным знаком человека, определяющим его место в мироздании и социуме, в свою очередь, в народной культуре оно обладает мифологической и ритуальной (магической) функциями, основанными на вере в сакральность имени³. В традиционной культуре имя непосредственно связано с судьбой человека, мифологически отождествляемо с его носителем, но вместе с тем оно обладает известной самостоятельностью, являясь объектом многих ритуалов⁴.

О том, что между именем человека и его характером, судьбой существует некая необъяснимая связь, догадывались и древние. Имя – своего рода код. Тот, кто владеет им, обладает властью и над человеком. Хорошо известно, что все колдовские действия с древности и до наших дней в качестве адреса личности, ключа к ней используют единственное, что для этого нужно, – имя. Вспомним в этой связи и церковный обычай, где и в молитвах за здоровье, и в поминовении усопших присутствует тот же устойчивый и безошибочный код – имя. При всей множественности и повторяемости имен оказывается, что этого вполне достаточно.

Примером вредоносной магии, непременно включавшей имя человека, можно найти в древнеиндийском тексте: «Во время совершения жертвенного огня нужно произнести мантру: «Ты сожжен в моем горящем огне, я лишаю тебя входа и выхода». Затем нужно произнести имя врага». Опасения перед подобными вредоносными действиями породили обычай, который историки и этнографы находят практически у всех народов мира, – обычай скрывать имя⁵.

Знать имя – значит знать саму судьбу, участь того, кто, его носит. Вот почему имя не нужно открывать посторонним. Об этом запрете, безусловно, знал римский писатель Валерий Соран, живший в I веке до нашей эры, который нарушил это правило. Открыв врагам тайное имя города, открыл тем самым его судьбу. Поступок его был сочтен предательством, и он был казнен.

Но коль скоро судьба, будущее зависят столь жестко от имени, можно ли изменить предначертанное, изменив само имя? Древние полагали, что это возможно. Написав имя человека перевернутыми буквами, римляне ожидали такого же переворота в судьбе⁶.

Обычай скрывать имя историки и этнографы находят практически у всех народов мира. В Древнем Египте у человека было два имени – «малое» (для обихода) и «большое» (тщательно скрываемое). Два имени было и у аборигенов Австралии. Одно имя – для общего употребления, другое – секретное, хранимое в тайне⁷. Имя всегда предполагает исполнение определенной социальной роли. Перемена имени – попытка проигрывания новой роли.

Хорошо известно, что при пострижении в монашество человек принимает новое имя, отказываясь от прежнего, мирского. При вступлении в великую схиму имя снова меняется, но, как правило, оно начинается на ту же букву, что и прежнее⁸. Например, братья-просветители, которые являются создателями славянского алфавита (кириллицы), в миру носили имена Михаил и Константин. После принятия ими схим братья получили имена Мефодий и Кирилл.

Как отмечают исследователи, древние люди считали имя важной частью человеческой личности и предпочитали хранить его в тайне, чтобы злой колдун не сумел «взять» имя и использовать для наведения порчи (подобно тому, как использовали для этого остриженные волосы, клочки одежды, выкопанные куски земли со следами на ней и даже сор, выметенный из избы). Поэтому в древности настоящее имя человека было известно только родителям и нескольким самым близким людям. Все остальные звали его по имени рода или по прозвищу, как правило носившему охранительный характер, например: Некрас, Нежелан, Неждан. Подобные имена-прозвища должны были «разочаровывать» болезни и смерть, заставить их искать «более достойную» поживу в

³ Имя // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. – М., 1999. – Т. 2. – С. 408.

⁴ Имя // Славянская мифология : энцикл. словарь. – М., 1995. – С. 210.

⁵ Горбовский А.А. Колдуны, целители, пророки. – М., 1993. – С. 119.

⁶ Там же. – С. 119.

⁷ Там же. – С. 118.

⁸ Еремина Т.С. Мир русских монастырей: история, предания. – М., 2002. – С. 11.

других местах. Так поступали не только славяне. Например, красивое турецкое имя Йылмаз означает «то, что не нужно даже собаке»⁹.

По мнению ученых, люди имели имена во все исторические эпохи. Основных имен было первоначально не более полутора сотен. Однако по мере развития общества, с расширением коммуникативной сферы и увеличением контактов между различными народами появилось множество различных вариаций имен, носивших национально-культурный колорит. Зарождение русских личных имен исследователи непосредственно связывают с языческой эпохой. И как справедливо в свое время отмечал Б.А. Рыбаков: «Без анализа язычества мы не сможем понять идеологию славянских средневековых государств и в частности Киевскую Русь. Культуру простого народа на протяжении всех столетий феодализма мы можем понять только в свете анализа всего языческого комплекса»¹⁰.

В древнерусских письменных источниках содержится информация о способах прогнозирования исхода болезни по добрым и неблагоприятным дням, основанных на знаниях о небесных телах. Кроме того, было известно также предсказание, основанное на магии чисел. Нумерологические манипуляции сводились к суммированию числовых значений кириллических букв, составляющих имя больного и дату его рождения. Затем суммарное число делилось на 30, а полученный результат соотносился с фиксированными рядами цифр. Одна половина из них указывала на смерть, другая на скорое выздоровление¹¹.

Личное имя (в древнерусском языке также – рекло, назвище, название, прозвище, прозвание, проименование) – это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обратиться, а также говорить о нем с другими¹².

В дохристианскую эпоху, то есть почти до конца X в., в среде восточных славян использовались только личные имена, которые давались детям при рождении. Это были языческие славянские имена, в целом ясные по значению и этимологически очевидные. Как и повсюду в славянском мире, большинство имен представляло собой так называемые *двухосновные*, или *сложные имена*, состоящие из двух корней, связанных соединительными гласными. Двухосновные имена создавались в результате акта целенаправленного словообразования от основ с ярко выраженным положительным значением. Способ их образования был аналогичен способу образования имен нарицательных. Вторыми элементами этих имен, как правило, были: -слав – «славный» (Ярослав – «сильный и славный»), -мир – «большой, славный» (Остромир – «острый и славный»), -волод – «владеющий богатством» (Всеволод – «все и владеющий») и т.п.

Данные имена, как правило, состояли из двух корней (Мирослав), но в свою очередь они также могли содержать и один корень (Добрыня, Гордята, Вышата и т.п.)¹³, хотя многие исследователи отмечают, что имена Добрыня и Путила являются сокращением двухосновных имен Доброслав, Путислав (или Доброгость и Путимир).

С течением времени к славянским именам прибавилось несколько скандинавских имен, принесенных, по мнению исследователей, в период язычества викингами-завоевателями. Это были такие имена, как, например, Рюрик (Hrorekr), Олег (Helgi, «святой»), Игорь (Ingvar, «молодой»), Глеб (Gudleifr эквивалент нем. Gottlieb), Рогволод (Rag (n) valdr)¹⁴.

⁹ Семенова М. Быт и верования древних славян. – СПб., 2000. – С. 86.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1994. – С. 5.

¹¹ Полянский С.М., Григорьев А.В. Космология в ее единстве с другими компонентами книжной культуры Древней Руси // Древнерусская космология / отв. ред. Г.С. Баранкова. – СПб., 2004. – С. 408.

¹² Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л., 1991. – С. 4.

¹³ Антропонимическая система // Князев Е.А. Родная старина. Анатомия истории. – М., 1996. – С. 19.

¹⁴ Унбегаун Б.О. Русские фамилии / пер. с англ. общ ред. и послесл. Б.А. Успенского. – М., 1995. – С. 11.

Как пишет С.А. Геденов: «Увлекаясь легкостью, с которой возможные в мире имена могут быть (хотя бы только и приблизительно) объяснены из богатой до невероятности германо-скандинавской ономотологии, норманнская школа выводит из скандинавского источника все варяжские и все русские имена нашей истории от Рюрика до Ярослава»¹⁵.

В своем исследовании В.С. Казаков отмечает: «В древности настоящее имя давалось человеку волхвом по достижении им совершеннолетия согласно его заслугам перед родом: Огневод, Ратибор, Ярослав и т.д. «Понеже мнози от человек приходящи к волхвам и чародеем. Понеже чародеи и волхвы, написующи бесовски (славянские) имена, дают их простым людям, повелевающие им тая имена носити»¹⁶.

В свою очередь А.В. Суперанская пишет, что на Руси в XVI – XVIII вв. сложился особый тип письменных произведений – азбуковник, представляющий собой некоторое подобие словаря, в котором давались толкования «неудобь познаваемым» словам, расположенным в алфавитном порядке. В одном из таких азбуковников XVII в. говорится следующее: «Первых родов и времен человеци ... до некоего времени даяху детям своим имена, якоже отец и мать отречати (т.е. ребенка изволят: или от возраста и естества, т.е. по внешнему виду и природным данным), или от вещи, или от притчи. Такожде и словене прежде их крещения даяху имена детям своим сице Богдан, Божен, Первый, Второй, Любим»¹⁷.

Интересно отметить, что дочерей Гая Юлия Цезаря звали, как и других римлянок, по имени отца – Юлиями, а различали их только по номерам в порядке их рождения.

В дохристианские времена в наречии ребенка отражались многие обстоятельства его рождения. Во-первых, в именах могло отражаться время появления младенца, который мог получить такие имена, как: Вешняк, Ярец (рожденный весной), Жар (ребенок, родившийся в жаркое время года). Во-вторых, многие имена могли характеризовать внешность новорожденного: Беляй, Чернуха, Уголек и т.п. В-третьих, в именах могло отражаться отношение родителей к появлению детей: Ждан, Неждан, Нечай, Любим, Бажан, Бажен (в древнерусском языке слово *бежать* обозначало «очень желать»). В-четвертых, имена также могли образовываться и от названий малоценных предметов, находившихся в каждом доме. Это могли быть такие имена, как Мочало, Лут (лыко), Лопать, Ступа, Топорище и др., выполнявшие защитные функции и не привлекавшие к себе внимание злых сил.

Восточные славяне также давали своим детям имена, оберегающие и одновременно отпугивающие от них злые силы природы: Злоба, Неклюд, Неустрой, Неудача, Захвораи, Грязнуха, Головня, Грязной, Горе, Ненаш, Беско, Черток и т.п. Многие русские личные имена позже сохраняются в фамилиях: Горшков, Лопатин, Топоров и т.п.

Достаточно распространенными были так называемые *внутрисемейные имена*, которые давались ребенку вскоре после его рождения дома, в семье. Во многих семьях были приняты имена, в которых отражался порядок появления детей на свет. Для этого использовались счетные прилагательные и числительные от одного до десяти, а также некоторые существительные: Первой, Починок, Старшой, Второй, Вторышка, Третьяк, Четырь, Четвертуня, Четверенок, Пятой, Пятыш, Пятак, Шестерка, Семой, Семко, Семуша, Осмак, Девятой, Девятка. Ребенка, появившегося на свет в грозу или метель, называли Метелица, Гроза. Эти имена в древности выполняли также охранную функцию и ребенок, родившийся в это время, считался сродни этим природным явлениям: имя как бы предохраняло его, чтобы он не погиб от удара молнии или от снежного заноса¹⁸.

По наблюдениям и подсчетам петербургского филолога А.В. Сусловой самыми распространенными древнерусскими именами были Бажен (то есть горячо желанный), Баран, Беляй, Бессон, Богдан, Булгак (беспокойный, суетливый), Бурой, Вешняк, Воин, Волк, Воробей, Ворон, Ворона, Второй, Голова, Губа, Добрыня, Долгой, Дружина, Ермак, Ждан, Замятня, Злоба, Лобан, Любим, Малец, Малыш, Молчан, Мороз, Неждан, Неклюд,

¹⁵ Геденов С.А. Варяги и Русь : в 2 ч. – 2-е изд. – М., 2004. – С. 168.

¹⁶ Казаков В.С. Именослов : словарь славянских имен и прозвищ. – М. ; Калуга, 2002. – С. 4.

¹⁷ Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М., 1998. – С. 15.

¹⁸ Суперанская А.В. Ваше имя? : рассказы об именах разных народов. – М., 2001. – С. 23.

Путила, Русин, Сокол, Семейка, Сухой, Третьяк, Угрим, Ушак, Черной, Шестак, Шмель, Шумило, Ярец¹⁹.

Наши древние предки совершали своеобразный ритуал: если в доме заболел маленький ребенок, дед или отец ребенка выносили его из избы, а через некоторое время, возвращаясь в дом, громко приговаривали, чтобы слышали бесы о том, что свой ребенок был выброшен, а в дом принесен другой, с другим именем. Как правило, новое имя выбиралось из нехороших имен, чтобы бесы, нечистая сила «своих» не обижали.

Еще более очевидна магическая функция имени в тех случаях, когда требовалось экстренно усилить жизнеспособность новорожденного. Так, если ребенок родился крайне слабым, почти без признаков жизни, ему сразу же нарекали имя, причем девочке давали имя матери, мальчику – отца. Если же он появлялся на свет и вовсе бездыханным, окружающие сразу же приступали к процедуре его «оживления». Наиболее распространенным и действенным считалось «открикивание» младенца. Заклучалось оно в том, что повивальная бабка, а вслед за ней и все присутствовавшие выкрикивали имя отца (реже матери). Эти действия дополнялись и известными способами приведения в чувство: похлопыванием, окуриванием горящими предметами, выделяющими при горении резкий запах²⁰.

В ряде славянских обрядов произнесению имени, его выкликиванию придавалось значение воссоздания сущности и воплощения желаемого. В украинском ритуале, нацеленном на возвращение к жизни мертворожденного или слабого ребенка, повитуха «окликала» его, громко произнося над ухом мужские (если это мальчик) или женские (если девочка) имена. Если ребенок приходил в себя, его крестили тем именем, на которое он отозвался²¹.

Детское имя ребенку могло даваться по какому-то случайному обстоятельству или событию в момент его рождения. Так, Чингисхан при рождении был наречен Тэмуджином, так как в это время его отец одержал победу над вождем племени татар по имени Тэмуджин-Угэ. Старший сын Чингисхана был назван Джучи, так как появился на свет внезапно. Имя другого сына, Угедей, означало «стремящийся вверх». Впрочем, это имя будущий великий хан взял себе вместо неизвестного детского имени, которое ему нравилось. Младший сын Чингисхана носил имя Толуй, т.е. «зеркало»²². Один из внуков Чингисхана был назван Каши, так как в это время его дед завоевал область Каши. Он умер в молодости от чрезмерного пьянства. После этого имя Каши монголы объявили запретным, приносящим несчастья²³.

В древние языческие времена, когда люди стремились оградить себя от таинственных и магических сил природы, имя было олицетворенным. Оно несло в себе, с одной стороны, определенную информацию о человеке, с другой – одновременно выступало своеобразным оберегом для его носителя.

Распространенным явлением среди восточнославянского населения было с момента рождения ребенка наречение его каким-нибудь временным именем, обычно общим для всех некрещеных детей в той или иной местности. Такой процесс имянаречения среди русского населения очень долго сохранялся в сознании народа и уже в более позднее время.

Таким образом, необходимо отметить, что в дохристианскую эпоху использовались только личные имена. Имянаречение представляло собой важнейший антропологический в социальном плане инициативный акт, придающий новорожденному статус человека. На начальной стадии формирования древнерусского государства система выделения лица, среди ему подобных, могла быть обеспечена многочисленным арсеналом прозвищных

¹⁹ Суперанская А.В. Ваше имя? ... – С. 23.

²⁰ Имя // Славянские древности ... – С. 409.

²¹ Имя // Славянская мифология ... – С. 213.

²² Сборник летописей : в 2 т. / Рашид-ад-дин ; пер. с перс. Л.А. Хетогорова. – М. ; Л., 1952. – Т. 1. – С. 69.

²³ Сборник летописей : в 2 т. / Рашид-ад-дин ; пер. с перс. Л.А. Хетогорова. – М. ; Л., 1960. – Т. 2. – С. 12.

личных имен, подчеркивающих в дохристианский период какие-либо внешние, духовные тотемные и другие признаки именуемого²⁴.

Набор личных имен, употреблявшихся в древности восточными славянами, в процессе христианизации Руси полностью преобразовался. Личное имя человека – фактор далеко не безразличный в системе духовных ценностей любого общества, и проявляется это особенно контрастно в переломные эпохи, когда одного имени бывает достаточно, чтобы распознать в индивиде «своего» или «чужого». По известному тезису В.А. Никонова, имя – социальный знак²⁵.

Определенное влияние на длительное существование мирских имен оказали пережитки прошлого времени. Английский этнограф и культуролог Э.Б.Тайлор более века назад ввел в науку понятие «пережитка». По его словам, «это те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого²⁶.

После христианизации Руси в конце X в. каждый восточный славянин получал крестильное имя. В «Повести временных лет» показан процесс крещения киевлян Владимиром Святославичем. «И входя в воду, стояли иные до шей, другие до персей, иные по колена, родители же мнози на руках держали младенцев: а прозвители (священники – К.В.), стоя на берегу читали молитвы и каждой купе давали имена особья мужем и женам»²⁷.

Как учила церковь, «крещение» есть таинство, в котором верующий, при трехкратном погружении тела в воду, с призыванием Бога Отца и Сына, и Святого Духа, умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую. Церковный взгляд на крещение стал основой формирования народного религиозного мировоззрения. С точки зрения русского православного человека, крещение – это второе рождение человека и, более того, это рождение собственно человека «по образу и подобию Божьему». До крещения новорожденный казался нечистым, как говорили в народе, «не крещеный ребенок – чертеночек»²⁸.

По церковным правилам каждый ребенок, родившийся в православной семье, должен быть окрещен. На сороковой день совершалось таинство крещения. Впрочем, этот срок был достаточно условным и допускал отклонение. Однако тянуть с крещением младенца было опасно. Священник, допустивший смерть ребенка без совершения таинства, подвергался строгому наказанию. В свою очередь, если ребенок умирал некрещеным, священник наказывал и родителей строгой епитимией – трехлетним постом²⁹.

Имя ребенку нужно было давать на седьмой-восьмой день после его рождения. Однако церковь строго не придерживалась этого правила. Случалось, что имя выбиралось самими родителями и до родов, и также в дни появления ребенка на свет. Наречение именем предоставлялось священнику, который иногда выбирал имя по святцам в соответствии с чествованием того или иного православного святого.

Случалось, что имя ребенку выбирали обычно крестные родители (часто согласуя свой выбор со святцами и советуясь со священником). Это имя сохранялось в тайне и сообщалось родителям только после крещения до возвращения крестных с новорожденным домой. Часто присутствующие на крестинном обеде должны были сами отгадать имя: за это крестный отец награждал отгадавшего вином, а тот одаривал ребенка

²⁴ Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1994. – С. 187.

²⁵ Мурьянов М.Ф. К истории древнерусского ономастикона // Религии мира: истории и современность : ежегодник 1987. – М., 1989. – С. 191.

²⁶ Тайлор Э.Е. Первобытная культура. – М., 1989. – С. 28.

²⁷ Рапов О.М. Русская церковь в IX - первой трети XII в.: принятие христианства. – М., 1998. – С. 24.

²⁸ Листова Т.А. Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни // Русские / отв. ред.: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М., 1999. – С. 688.

²⁹ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI-XIII вв. – М., 2002. – С. 59.

деньгами. Раскрытие имени до крещения считалось тяжким грехом и могло повлечь за собой смерть новорожденного³⁰.

В знатных семьях выбор имени подчинялся неписаным правилам приличия. Круг соответствующих высокому социальному статусу имен охватывал не более десятой от всего фонда православного именованья. Нарекая ребенка именем, священник подносил его к иконе Божьей Матери и крестообразно поднимал его перед иконой, как бы вверял нового христианина ее покровительству³¹.

Как и в те далекие времена, так и сейчас при крещении ребенок от священника получает свое крестильное имя, выбор которого осуществлялся как ранее, так и сейчас церковнослужителем по святцам. Святцами у православных христиан называются церковные книги, содержащие месяцеслов, т.е. список святых по числам года³². Данный своеобразный календарь был составлен в порядке месяцев и дней года, к которым церковью было приурочено религиозное чествование каждого святого³³ (напомним, что уже к началу второго тысячелетия практически каждый день года оказался связан с христианской традицией, с памятью того или иного святого, апостола или другого почитаемого лица). В результате чего любой из дней получал собственное имя, что было очень удобным для формирования двоеверного мировоззрения³⁴. Теперь новокрещенный ребенок как бы переходил под защиту и покровительство своего святого.

В.И. Даль дает следующее определение понятию «святой» – «духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный: все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный. Святым зовут вообще все заветное, связанное с истиною и с благом». Ребенка нарекали именем того святого, память о котором приходилась на день его рождения или ближайший ко дню рождения праздник. При этом в отдельных местностях избегали или даже запрещали давать ребенку имя по календарю «назад», т.е. в соответствии с праздником, предшествующим дню рождения ребенка. По поверьям названный «назад» ребенок не будет расти³⁵.

Во время обета крещения, по устоявшейся традиции, людям даются имена тех святых, которые становятся их небесными покровителями и духовная связь с которыми устанавливается на всю жизнь. Это система сложного идеологического сочетания, соединения, предусматривающая прежде всего нравственное воспитание. Празднуя день своего имени, человек одновременно отмечает день памяти своего святого, образ которого как бы сопутствует ему.

В прошлом у православных было не принято праздновать дни рождения. Отмечались лишь дни именин. Этот обычай был связан с тем, что имя, даваемое при крещении младенца, было таким же, как и имя святого, празднование которого в этот день отмечала церковь. В народе этот день называется именинами, а по-церковному – тезоименитством.

Православные праздновали день памяти своего святого – «день ангела» – намного торжественней, чем день своего рождения.

Следует также знать, что Святой небесный покровитель и Ангел-хранитель не одно и то же лицо, несмотря на то, что именины и день Ангела-хранителя приходятся на один и тот же день. Ангел в переводе означает вестник. Ангелы, как и душа человека, бессмертны. Ангелы – это бесплотные, то есть бестелесные духи. Ангел-хранитель дается человеку при рождении, чтобы охранять его душу и тело от всяких несчастий и зла и помогать ему во всем добром и хорошем.

Как отмечают богословы, в частности Феодор Едесский: «Господь каждому из нас дает двух ангелов, один из которых – Ангел-хранитель – хранит нас от всякого зла, от разных несчастий и помогает делать добро, а другой ангел – святой угодник Божий, имя

³⁰ Имя // Славянская мифология ... – С. 210.

³¹ Энциклопедия русских обычаев /авт.-сост. Н.А. Юдина. – М., 2000. – С. 42.

³² Святцы // Азбука христианства : словарь-справочник / сост. А. Удовейко. – М., 1997. – С. 218.

³³ Успенский Л.В. Ты и твое имя. – М., 2002. – С. 23.

³⁴ Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М., 1999. – С. 129.

³⁵ Листова Т.А. Народная религиозная концепция ... – С. 689.

которого мы носим, ходатайствует о нас перед Богом, молится за нас Богу. Его молитвы, как более достойные, угодные Богу, скорее приемлются, чем наши грешные»³⁶.

Поскольку Бог хочет помочь человеку спастись, он дает ему личного ангела-хранителя, являющегося духовным другом и покровителем каждого христианина. Это учение было, по-видимому, близко и понятно религиозным представлениям народа. Народная англелогия лишь дополнила его живыми подробностями. К ангелу-хранителю обращались постоянно. Кроме специальных молитв, входящих в молитвенники, существовало множество однотипных заговоров-молитв неканонического происхождения. Они свидетельствуют о том, что отличие «функций» ангела от прочих святых, к которым обращались по разным поводам, видели именно в его духовном наставлении и помощи. Ангел-хранитель обязательно призывался в молитвах на ночь.

Ангела-хранителя почитали и молились ему, просили о заступничестве. Для того, чтобы избавиться от возможной порчи, оградить от нечистой силы, пользовались заклинанием-оберегом, которое трижды читалось перед сном: «Ложусь спать с Христом, со творящим крестом, с силой Господней, Ангелом-Архангелом. Ангел мой хранитель, пребывай со мной: по всякий час, по всякую минуту. Аминь!»³⁷.

Каждый православный старался иметь дома икону с изображением своего святого. В день ангела (именины) младенцев приносили в церковь для причащения, а взрослые в этот день сами заказывали молебен своему небесному покровителю.

Поскольку этот небесный покровитель постоянно находился рядом с человеком, то и вести себя следовало так, чтобы ненароком не обидеть его. Поэтому считали, что нельзя плевать направо – там ангел, а налево, где нечистый – можно, по этой же причине нельзя кидать направо соринку из глаза; замахнувшийся на кого-либо ножом лишается на три года покровительства ангела-хранителя; утром не умыть лицо – грех, ангел не проснется и не будет охранять тебя весь день; ну а когда звенит в левом ухе – значит черт спорит с ангелом о том, кому принадлежит душа. По мнению верующих, ангел-хранитель есть у каждого окрещенного человека независимо от степени его личной веры. Он обычно не обнаруживает своего присутствия в течение жизни, но может показаться перед ее концом.

Как уже отмечалось выше, при имянаречении обычно считали, что детей следует называть по имени святого, празднование которого в этот день отмечала церковь. В народе указанный порядок имянаречения в отличие от произвольного назывался «дать имя по святцам».

При наречении ребенка соблюдали определенные запреты. Наиболее известным из них был запрет дублировать имена людей, живущих в том же доме: так, сыновьям часто остерегались давать имена деда, отца или братьев, поскольку при нарушении этого запрета один из тезок должен был умереть, а в этом случае смерть ожидала и другого (если это были близнецы, которых в народных представлениях считали носителями одной судьбы). Также избегали давать новорожденному имя умершего ребенка, чтобы он не унаследовал его судьбу. Зачастую детей нарекали именами умерших деда или бабки, руководствуясь тем, что и судьбу человек наследует через поколение. Женщина, у которой рождались одни девочки, давала последней из них свое имя, чтобы следующим у нее родился мальчик. К этому же магическому приему не раз прибегали родители, чьи дети умирали в младенчестве: согласно поверью, святой, именем которого назван ребенок, будет хранить его так же, как хранил всю жизнь его отца или мать. Выбор имени актуализировался в тех случаях, когда в семьях один за другим умирали («не держались», «не велись») дети. Наречение именем (часто магическим по своему значению) было равносильно для ребенка выбору судьбы. Широко известен у южных славян обычай перемены крестного отца, практикуемый с целью перелома судьбы новорожденного: ребенка клали на дороге, и первый, кто наткнется на него, должен был дать ему имя (обычно таких детей называли Найден, Найда и под.). Оберегая детей от смерти, в таких семьях нередко называли их в течение долгого времени фальшивыми именами или вообще обходились без имени, обращаясь, например, к мальчику просто мальчик³⁸.

³⁶ Современный этикет и русские традиции / авт.-сост. В.Ф. Андреев. – М., 2005. – С. 189.

³⁷ Русские обычаи и обряды / авт.-сост. Н.А. Юдина. – М., 2005. – С. 16.

³⁸ Имя // Славянская мифология ... – С. 211.

Иногда детей, особенно первенцев, называли в честь бабушек или дедушек. Этот обычай, правда, был распространен более в дворянских семьях. Произвольному выбору имени в крестьянской среде мешала боязнь «обидеть Ангела».

Как уже отмечалось выше, само имя в народном сознании имело магическое наполнение, а, руководствуясь при его выборе определенными принципами, можно повлиять на жизнь и судьбу новорожденного, поэтому детей называли в честь выдающихся людей или особо удачливых родственников, считая, что вместе с именем ребенок унаследует и все качества, присущие этим людям, а возможно, до некоторой степени, повторит их жизненный путь³⁹.

В свое время священник П.А. Флоренский писал: «Поэзия, письменная и изустная, держится на именах. Имена распространяются в народном сознании на группы. Если священник дает крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь. А если имя мученика, и жизнь сойдет за одно сплошное мучение»⁴⁰.

Имя, полученное при крещении, принято называть христианским или крестильным, которое давалось независимо от воли и желания родителей. Данные имена были не славянского, а греческого происхождения. К восточным славянам они пришли из Византии через Болгарию⁴¹.

Необходимо отметить, что имена святых нельзя рассматривать как обычные имена людей. Они формируют особую замкнутую систему, для пополнения которой нужны специальные решения и обряды. Имена святых, используемые для именования людей, в живой практике сочетались с фамилиями, прозвищами, отчествами и теряли ту строгость, которая им присуща в церковных книгах и календарях⁴². Введение христианства способствовало установлению и развитию культурных и политических связей Киевской Руси с Византией, Болгарией, странами Запада и Ближнего Востока. Следствием введения христианства было также изменение способов именования русских людей, обращение их к новым именам, привнесенным новой религией. Любая религия как определенная система, отражающая мировоззрение и культуру общества, сопровождается некоторым массивом имен, в которых закрепляются и распространяются идеи этой религии и одновременно почитается память лиц предыдущих поколений, сыгравших важную роль в утверждении соответствующей системы взглядов.

После принятия христианства введение строго нормированного использования христианских имен с обязательной привязкой конкретного имени к новорожденному, с рекомендательным списком в «святцах» привело к значительному сокращению числа употребляемых в древнерусском обществе имен. Появление в связи с этим большого числа тезок стало создавать определенные трудности. В таких случаях в дофамильный период при персонификации лица стали использовать как равноправные христианские (канонические), так и мирские прозвищные (личные имена). Древнерусское население практически не видело никаких преимуществ в календарных именах и считало, что ничего плохого нет в своих домашних-мирских.

Практика давать ребенку в дополнение к официальному крестильному имени еще одно, некрестильное, тем не менее удерживалась вплоть до XVII в. В древнерусском обществе для обозначения внутрисемейных обиходных прозваний сначала использовалось выражение *мирское имя* в противоположность слову *имя*, обозначавшему подлинное имя, полученное при крещении. Но вскоре термин *мирское имя* был вытеснен термином *прозвище*. Прозвище давали человеку вне дома и семьи, оно помогало идентифицировать личность в коллективе односельчан, военном отряде и т.д. Если круг внутрисемейных имен был ограничен домашним бытом, то имена второго типа могли образовываться практически от любых основ, отражая не только внешность и черты характера именуемого, но и его образ жизни, привычки, особенности речи и т.п.

³⁹ Имя // Славянская мифология ... – С. 211.

⁴⁰ Круг жизни ... – С. 89.

⁴¹ Иевлева З. Пособия для обучения родному языку в допетровской Руси // Народное образование в России : истор. альманах. – М., 2000. – С. 25.

⁴² Суперанская А.В. Ваше имя? ... – С. 18.

Необходимо отметить, что сегодня в некоторых деревнях сохранился обычай, когда по числу дворов считают отдельные семейства, за которыми сохранилось имя или случайное прозвище хозяина двора, которые переходят в общее прозвище всего семейства⁴³.

На Руси возникло своеобразное сочетание аграрного в церковного календарей, определявшее конкретное восприятие времени древнерусским человеком. Церковные праздники, совпадавшие с ключевыми моментами аграрного цикла, обретали двойное значение. Их отмечали с особым энтузиазмом, сопровождая различными полужычскими обрядами. Даже канонические имена святых переименовывали на свой лад и сопровождали забавными прозвищами: Герасим Грачевник, Матрона Настовница, Марь Мартын Лисогон, Ирина Рассадница и т.п.

В ономастических и исторических работах часто встречается термин *некалендарное имя*, обозначающее имя, которое нельзя найти в церковном календаре, где значились лишь христианские имена, то есть имена святых православной церкви. Естественно, в древнюю эпоху данный термин русскими никогда не использовался. Первым текстом, о котором достоверно известно, что он был написан на Руси, являлось Евангелие, переписанное в 1056 – 1057 гг. для новгородского посадника, крестильное имя которого было Иосиф, а мирское – Остромир. Если крестильное имя было обязательным, поскольку крестили каждого ребенка, то прозвище обязательным не считалось, и форма его полностью зависела от родителей. Н.М. Тушикова в свое время отмечала: «Русские имена всегда имели право законного имени и могли выступать без сопровождения имен христианских. Употребление их в качестве имени или прозвища зависело от воли носителя их или же от воли документатора (т.е. того, кто их записывал)»⁴⁴. По мнению исследователей, большинство детей нарекались, по-видимому, двумя именами, против чего яростно выступала православная церковь. И в тех случаях, когда оба имени соотносились с одним лицом, первым всегда называлось крестильное имя человека. В конце концов мирские имена начали восприниматься как что-то незаконное, как насмешливые клички. Вскоре термин *мирское имя* был вытеснен термином *прозвище*.

Языческие (домашние имена) господствовали вплоть до XVII в. (Иван Волк Курицын, Упырь Лихой, Малюта Скуратов и т.п.)⁴⁵. В это же время в России исчезают и прозвища. За немногим исключением также уходят древние языческие славянские и скандинавские имена.

Следует сказать, что на протяжении нескольких столетий после принятия христианства в династии киевских князей сохраняется традиция наименования новорожденных в зависимости от имени предков. Последовательность, с которой для этой цели используются имена предков по мужской и женской линии, несомненно, имеет определенную систему, но выявить причины названия княжеских детей тем или иным именем удастся далеко не всегда. Наиболее ясным представляется порядок, когда имена предков по мужской линии получают первый, третий, пятый и т.д. сыновья, а по женской – второй, четвертый и т.д.

Именник древнерусского княжеского рода свидетельствует, что наиболее употребительными были имена основателей киевской династии – Игорь, Святослав, Владимир. Распространение этих имен среди потомков Ярослава Мудрого отвечает представлению о происхождении этого князя, засвидетельствованному в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Отец Ярослава Мудрого Володимир определяется здесь как внук «старого Игоря» и сын «славного Святослава»⁴⁶. Отсутствие наименования Рюрик в первых поколениях династии, единичное употребление его в дальнейшем подтверждает мнение тех ученых-антинорманистов, которые полагают, что Рюрик не был отцом Игоря. Наоборот, распространенность имени Олег, несмотря на старания летописцев исключить этого деятеля из княжеского круга, убеждает, что Олег был предком Святослава Игоревича, вероятнее всего по женской линии (т.е. был отцом или дедом Ольги), так как имя Олег носил именно второй сын Святослава. Имя его старшего сына, Ярополк, позволяет предполагать, что близкий предок Святослава по мужской линии (его дед или прадед) носил такое же имя.

⁴³ Шеплинг Д.О. Мифы славянского язычества. – М., 1997. – С. 125.

⁴⁴ Унбегаун Б.О. Русские фамилии ... – С. 12.

⁴⁵ Успенский Л.В. Ты и твое имя ... – С. 59.

⁴⁶ Франчук В.Ю. Отражение языческого мировоззрения славянства в древнерусском летописании // Культура славян и Русь. – М., 1998. – С. 170.

Собранные данные свидетельствуют, что древнерусская традиция именования, будучи следствием языческого мировоззрения, связывала живых и мертвых представителей княжеского рода. В.Л. Янин в свое время отметил: «На Руси крайне редко давали княжичам отцовские имена. Напротив, нарекать княжичей «дедным именем» было особенно почетно»⁴⁷.

Со временем почитание князей-мучеников под их мирскими именами становится общерусской традицией, а дни их памяти – одними из самых общезначимых праздников. На протяжении XII в. христианские имена постепенно становятся родовыми именами. При этом сохраняется ряд важнейших особенностей выбора родового имени. По-прежнему это ограниченный круг имен, передающихся от предков к потомкам. С помощью христианских имен, как и с помощью имен исконных, старшие родичи демонстрируют свои планы и намерения относительно распределения власти⁴⁸.

Народное почитание святых князей определило церковную канонизацию, последовавшую в конце XI в., и почти сразу установилось как общерусское (явление, типичное для Руси и других христианских стран: признание снизу обычно предшествовало официальному). В житиях святых-воителей за русскую землю – готовность положить свой живот «за други своя» была постоянной и едва ли не главной темой⁴⁹.

Уже в XI – XII вв. к лику святых было причислено несколько князей. Все они были канонизированы под христианскими именами, то есть греческими: Владимир как Василий, Борис как Роман, Глеб как Давид, Всеволод как Гавриил, Игорь как Георгий (умер в 1147 г.). Любопытно отметить, что их христианские имена были забыты, и сейчас они более известны как святые только под своими языческими именами. Позже церковь признала и четыре других славянских имени – Ярослав, Мстислав, Ростислав и Святослав, хотя эти имена никогда не давались святым даже в качестве второго имени. Впоследствии еще два имени были приняты церковью: одно славянское – Вячеслав, русский эквивалент имени чешского святого X в. Вацлава, и одно скандинавское – Олег, хотя никогда не было святого с таким именем. Кроме этих исключений, вся русская официальная роспись имен была церковнославянской, то есть византийско-греческой по происхождению⁵⁰.

В XII в. языческие имена были в большем употреблении, чем христианские. Об этом говорит тот факт, что даже Владимир Мономах, названный при рождении Василием, был известен всем под именем Владимира. Княгиня Ольга, получившая при крещении имя Елены, вошла в святцы под своим языческим именем⁵¹. Безусловно, древнерусским книжникам были известны имена, данные этим людям при крещении, но, несмотря на это, они предпочитали называть их в соответствии с традицией, возможно, потому, что мирские имена связывали потомков с их предками.

Как отмечают исследователи, древнерусские князья носили двойные имена: родовое, имеющее дохристианские истоки, и христианское – крещальное имя. Это говорит о том, что родовая княжеская традиция давала о себе знать. В «Хождении игумена Даниила» в Святую землю дается информация, подтверждающая значимость христианских имен для древнерусских князей. Необходимо отметить, что жанр хождений, к которому относится уже упомянутое выше литературное произведение, – это жанр собственно восточнославянской книжной культуры. Игумен одного из черниговских монастырей Даниил пробыл в Палестине 16 месяцев⁵², и в своем произведении он перечислил имена тех князей, за которых он поставил свечу в Иерусалиме. Первыми перечисляются крещальные имена князей, при этом упоминаются их отчества, которые были образованы от их традиционных имен⁵³.

⁴⁷ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X - XV в. – М., 1970. – Т. 1: Печати X - начала XIII в. – С. 24.

⁴⁸ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. : династическая история сквозь призму антропонимики. – М., 2006. – С. 139.

⁴⁹ Буганов В.А. Национальное сознание и народная память // Русские ... – С. 648.

⁵⁰ Унбегаун Б.О. Русские фамилии ... – С. 12.

⁵¹ Успенский Л.В. Ты и твоё имя ... – С. 46.

⁵² Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI-XII вв. – Минск, 2001. – С. 188.

⁵³ Из истории русской культуры : в 5 т. – М., 2000. – Т. 1: Древняя Русь: Народ. Князь. Религия / В.Я. Петрухин. – С. 291.

Список князей автор хождения начинает словами: «Се же суть имена их». Далее в порядке старшинства идет перечисление: Михаил – Святополк, Василий – Владимир, Давид Святославич, Михаил – Олег, Панкратий – Ярослав Святославич, Андрей – Мстислав Всеволодович, Федор – Мстислав Володимирович, Борис Всеславич, Глеб Менский и т.д.⁵⁴

Святой, имя которого получал новорожденный князь, становился для него небесным покровителем. К нему, как и к предкам, можно было обратиться в трудную минуту. В честь своего святого-покровителя принято было строить храмы.

Киевский великий князь Ярослав Мудрый был крещен Георгием. Прежде чем стать великим князем киевским, он был князем новгородским, и именно в Новгороде и Киеве найдены наиболее интенсивные древние следы культа св. Георгия.

Георгий Победоносец в русском фольклоре называется Егорием Храбрым. Само имя Георгий в переводе с греческого языка означает «возделывающий землю». В России это имя имеет несколько вариаций – Юрий, Егор, Егорий⁵⁵. После победы над эстами в 1030 г. Ярослав заложил в честь своего покровителя город Юрьев (позднее город будет носить немецкое имя Дерпт, современное название города в Эстонии – Тарту) и в нем – храм св. Георгия. Затем заложил храм св. Георгия в Старой Ладоге и георгиевский монастырь в Новгороде. После победы над печенегами в 1036 г. он основал в 1037 г. монастырь в честь своего покровителя в Киеве. ПВЛ сообщает, что Ярослав Мудрый заложил «святого Георгия монастырь и святой Ирины». Это было связано с тем, что крестильное имя его самого и его жены были Георгий и Ирина. День освящения в нем храма св. Георгия, 26 ноября, он повелел праздновать по всей Руси. Также Ярослав чеканил серебряники с изображением св. Георгия, и ему же атрибутирована древнейшая русская печать с изображением св. Георгия⁵⁶.

Указания на крестильные имена новорожденных отсутствуют в летописях до второй половины XII в. До этого времени также очень редко встречаются и формы древнерусских отчеств, которые являются особой формой оформления имени отца конкретного человека. Хотя, как отмечают исследователи, русские отчества представляют собой очень древние образования. Уже в списках послов русских в 945 г. при именах некоторых из них находятся их отчества⁵⁷.

До XII в. даже для представителей правящего княжеского рода Рюриковичей в летописных записях используется только лишь одно личное имя князя.

Также необходимо отметить, что с XII в. употребление отчеств встречается не только лишь при обозначении представителей княжеских родов, но и при именовании лиц других высших сословий. Под «1127 г. упоминается Иванко Вячеславль, тысяцкий Туровский, 1146 г. Иван Халдеевич, воевода Киевский 1170 г., Коснятин Хотович, воин русский»⁵⁸.

После XIV в. в официальных источниках князья зовутся лишь христианскими именами, сохраняя среди близких друзей свои традиционные двусосновые имена. В церковные календари было включено более десяти древних княжеских имен⁵⁹.

Как отмечал В.В. Колесов: «Древний русич желал обозначить словами по возможности все, что было вокруг него. Неопределенный и не всегда поначалу точный признак древнего словесного образа, выкристаллизовывался со временем в термине-понятии, что составляет определенный этап в постижении этого сложного мира. Средневековые поиски истины подвергают своеобразному изучению то, что прежде казалось неважным и слишком отвлеченным: конкретный мир языческого быта сменяется условной и пока что неясной отвлеченностью средневековых идей, научная абстрактность постижения мира будет достигнута позже – уже современной нам культурой»⁶⁰.

⁵⁴ Сендерович С.Я. Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории. – М., 2002. – С. 73-74.

⁵⁵ Имя // Славянская мифология ... – С. 211.

⁵⁶ Сендерович С.Я. Георгий Победоносец ... – С. 73-74.

⁵⁷ Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л., 1991. – С. 153.

⁵⁸ Суперанская А.В. Словарь русских личных имен ... – С. 38.

⁵⁹ Русская ономастика ... – С. 188-189.

⁶⁰ Колесов В.В. Мир Человека в слове Древней Руси. – Л., 1986. – С. 294.

Таким образом, необходимо отметить, что в личных именах запечатлена духовная и материальная культура народа. В.К. Харченко отмечает, что «имена отражают процесс познания народом окружающего мира, отношения к нему, систему ценностей, духовное творчество и многое другое»⁶¹. Система личных имен имеет яркий национальный характер и несет информацию о носителе имени как представителе определенной национальной культуры.

NAMES AS A FORM OF REFLECTION OF THE WORLD OUTLOOK OF ANCIENT RUSSIAN POPULATION

V.S. KULABUHOV

Belgorod State University

e-mail:

Kulabuhov@bsu.edu.ru

The article is devoted to the research of the topical problem of origin and evolution of proper names, studying of which is correlated with cultural – historical traditions of the Russian people. It touches on the question of origin of primordial, as well as Christian names. The author analyses the problem of naming as a part of Christian dogma.

Key words: proper names, cultural traditions.

⁶¹ Полонский А.В. Человек и его имя // Методология и методика преподавания курсов «Человек и общество» и «Обществознание» : тез. докл. Всерос. науч.-метод. конф. – Белгород, 1995. – С. 90.

